

НИЖЕ УРОВНЯ ГЛАЗ

ОЛЬГА МАХТЕЙ

18+

Ольга Махтей

Ниже уровня глаз

«Автор»

2026

Махтей О.

Ниже уровня глаз / О. Махтей — «Автор», 2026

Они — подростки, запертые в собственных проблемах и вычеркнутые из жизни мегаполиса. Одни прячутся в тени, чтобы выжить: их не замечают в школе, дома, на улицах. Другие — наследники бизнес-империй, у которых есть всё, кроме внимания родителей. Третьи — агрессоры, срывающие злость на слабых, чтобы их существование признали. Мир взрослых смотрит сквозь них. Но есть тот, кто умеет видеть скрытое. Человек, для которого быть незаметным — профессия. Элитный киллер, чья работа строится на тишине, точном расчете и жестком контроле. Он не скрывается от людей, а действует открыто, умея становиться фоном и оставаться профессионально невидимым для любой охраны. Что же общего между элитным профессиональным киллером и детьми, которых никто не замечает?

© Махтей О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Одиночество свинца	5
Глава 1. Рельсы привычки	6
Глава 3. Слепые пятна	12
Глава 4. Раковины из капюшонов	15
Глава 5. Аксессуары	17
Глава 6. Троянский конь	19
Глава 7. Механическая душа	21
Глава 8. Я мыслю — значит, существую	24
Глава 9. Контактный нейротоксин	26
Глава 10. Хранитель музея	29
Глава 11. Живые куклы	31
Глава 12. Равновесие	33
Глава 13. Санитарная обработка	36
Глава 14. Статика в шеренге	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ольга Махтей

Ниже уровня глаз

Пролог. Одиночество свинца

Металлу неведомы сомнения. Вороненая сталь и светлое дерево пребывают в полном покое, пока их не коснется чужая воля. Спортивный малокалиберный пистолет Walther GSP — это не инструмент угрозы, а механизм строгой, выверенной точности. Его магазин вынесен вперед, смещая центр тяжести так, чтобы гасить малейшие колебания. Каждая фрезерованная грань, каждая скрытая внутри пружина созданы с единственной целью — обеспечить точный повтор одного и того же процесса.

Когда ладонь обхватывает изогнутую анатомическую рукоять, оружие становится продолжением руки. Ствол выравнивается по линии цели. Медленное, незаметное движение пальца тянет спусковой крючок. В этом давлении нет места спешке, раздражению или гневу. Усилие рассчитано до грамма.

Внутри закрытого пространства механизма освобождается сжатая энергия. Стальной боек с силой бьет по латунной гильзе. Вспыхивает искра, мгновенно воспламеняя порох. Резкое расширение газов создает колоссальное давление, которому необходим выход. Мягкий свинец срывается с места и врезается во внутренние нарезы ствола. Они закручивают пулю, придавая ей вращение, необходимое для стабильности в полете.

Покинув дульный срез, пуля становится одинокой. Она больше не принадлежит механизму и не подчиняется тому, кто нажал на спуск. С этой миллисекунды её путь определяют только законы баллистики: тяготение, непрерывно тянущее металл к земле, и плотность воздуха, пытающегося замедлить полет.

Свинцу безразлично, что находится в конце рассчитанной траектории — бумажная мишень с черным кругом, деревянный щит или живая ткань. Пуля просто летит вперед, повинаясь геометрии и массе. В этом слепом движении заключена холодная правильность, полностью лишенная сочувствия, вины или сожаления.

Часть

I

. Архитектура тишины

Глава 1. Рельсы привычки

Затяжной дождь не нарушил ритма мегаполиса. Начавшись еще в полдень, он смыл пыль с тротуаров, превратив свет фар в маслянистые полосы на асфальте. На набережной было оживленно: сквозь плотный туман, зависший над рекой, пробивались гудки проезжающих такси, а спешащие прохожие плотнее кутались в свои непромокаемые плащи.

Виктор приближался к зданию галереи неторопливым шагом. Левое бедро немного ныло — старое напоминание об одной неудачной зиме, — но это была лишь привычная помеха, которую он давно перестал замечать.

Ему нравилась такая погода — дождь делал лица неразличимыми под широкими козырьками зонтов, отводя лишние взгляды.

У парадного входа в галерею толпились приглашенные гости. Улыбки, объятия, короткие фразы, звучащие, как обмен паролями. На ступенях замерла охрана: двое мужчин в темных костюмах с лицами, одинаковыми и непроницаемыми, как у манекенов. Они пропускали людей по спискам, сохраняя вежливую дистанцию, но Виктор заметил, как пальцы одного из них то и дело касаются скрытого в ухе наушника.

Он остановился в стороне, делая вид, будто просто смахивает дождевые капли с рукава. На самом деле он смотрел на вход как на схему: скорость потока, паузы, где образуются пробки, где гости нервничают и ускоряются. В таких местах рождаются ошибки — и у людей, и у систем.

Дождавшись своей очереди у ограждения, он негромко поздоровался, позволяя охраннику быстро и цепко скользнуть взглядом по лицу, рукам и линии плеч. Это был знакомый, ожидаемый досмотр, нацеленный на выявление малейших отклонений от нормы, но привлечь к себе лишнее внимание сегодня в его планы совершенно не входило.

Зал «Модерн» едва вмещал приглашенных, и от обилия гостей внутри уже становилось душно. Пространство заполнял несмолкающий гул светского приема, в котором смешивались сотни приглушенных голосов, звон льда в стеклянных стаканах и шелест дорогой обуви по гладкому полу. Воздух пропитался ароматами терпкого табака и изысканных закусок, а любой случайный резкий звук, вроде неосторожно поставленного официантом подноса, мгновенно поглощался этой плотной атмосферой.

Артур Стерлинг находился в самом центре зала, окруженный внимательным кольцом своих собеседников. Мужчина пребывал в превосходном настроении, увлеченно рассказывал длинную историю и периодически делал небольшие глотки из бутылки с минеральной водой, которую заботливо держал наготове его личный помощник.

Сильная аллергия на арахис заставляла миллионера соблюдать предельную осторожность. Этот недуг диктовал все его привычки — именно поэтому он пил воду только из рук своего человека, полностью игнорируя барменов и официантов. Телохранители, неприметно контролирующие каждый метр вокруг, служили лишь дополнением к этой глухой обороне, ограждая хозяина от любых случайных контактов.

Глядя на эту оживленную фигуру, Виктор размышлял не о самом человеке, а о жестких схемах его поведения. Если люди регулярно совершают ошибки, то укоренившиеся привычки работают безотказно, прокладывая надежные, неизменные рельсы, по которым цель рано или поздно сама придет в нужную точку без малейшего постороннего вмешательства.

Заняв место у барной стойки и заказав порцию джин-тоника, Виктор обернулся, чтобы еще раз оценить расстановку сил в зале. Его отлично сшитый костюм, спокойствие и уверенность идеально вписывались в антураж выставки, делая его неотличимым от состоятельных коллекционеров.

Он терпеливо ждал. В душном помещении ледяная бутылка в руках помощника быстро покрывалась обильным конденсатом. Наконец, мужчина из свиты Стерлинга с легким раздражением посмотрел на свою влажную ладонь, отделился от толпы и направился к бару за чистой салфеткой.

Это был сигнал.

Виктор опустил телефон на прохладный камень столешницы. Вместе с ним на поверхность легла и принесенная стопка бумажных салфеток. Этот жест затерялся в окружающей суете, а сама бумага визуальнo ничем не отличалась от обычного ресторанный инвентаря. По ту сторону стойки, в рабочей зоне бармена, лежала точно такая же стопка, а вплотную к ней стоял стеклянный графин с густым сиропом для коктейлей.

В царящей у бара тесноте кто-то из протискивающихся мимо гостей неосторожно задел плечо Виктора. Не став сопротивляться чужому давлению, он позволил телу качнуться вперед. Его рука скользнула по камню, и тыльная сторона ладони мягко толкнула стекло графина. Емкость накренилась, и липкая жидкость перелилась через край, испортив верхний слой подготовленных барменом салфеток.

— Моя вина, простите, — негромко произнес Виктор, отступая от растекающегося пятна.

Бармен ответил понимающим кивком, с досадой отодвинул испорченную стопку в сторону, к грязным бокалам, и машинально придвинул на её место новую. Именно ту, которую Виктор небрежно оставил на краю стойки.

Но выстроенная схема едва не рухнула: у стойки внезапно появился запыхавшийся молодой официант и торопливо потянулся к новой стопке. Спокойствие Виктора на долю секунды сменилось острой вспышкой раздражения от того, что вся многодневная подготовка могла сорваться из-за одного суетливого человека, оказавшегося не в том месте.

Он мягко перехватил движение парня, услужливо протягивая ему нижний, нетронутый лист из отставленной в сторону стопки. Официант принял помощь, коротко поблагодарил и тут же растворился в людском потоке, возвращая происходящему прежнюю предсказуемость. Путь к бару снова был свободен.

Допив остатки джин-тоника, Виктор расплатился и направился к выходу, оставляя шумный зал за спиной. Механизм уже был приведен в действие.

В тесноте гардероба гости неловко разбирали влажные пальто, путаясь в ткани и стараясь замаскировать нарастающее раздражение обычным светским оживлением. Забрав свое пальто, Виктор набросил его на плечи и на несколько мгновений замер перед большим зеркалом, чтобы произвести последнюю проверку.

В отражении четко просматривалась стойка бара. Подошедший помощник миллионера привычным жестом стянул верхнюю салфетку из новой пачки, чтобы протереть мокрое стекло бутылки. Этим простым действием он перенес на горлышко невидимый химический концентрат, не оставляющий после себя ни вкуса, ни запаха.

Общий ритм мероприятия оставался неизменным, подтверждая точность проделанной работы. Виктор отвернулся от зеркала и вышел.

Оказавшись на улице, он с наслаждением вдохнул прохладный воздух, в котором смешались ароматы мокрого камня и прелой листвы, и зашагал к стоянке.

Дождь к этому времени окончательно стих. Вокруг продолжалась обычная вечерняя суета: хлопали дверцы подъезжающих автомобилей, доносились обрывки смеха, а вдалеке монотонно завывала полицейская сирена. Сев за руль своего седана, он плавно вырулил на проспект, сливаясь с непрерывным транспортным потоком.

Высотные апартаменты на тридцать четвертом этаже встретили своего хозяина уютным теплом и полной изоляцией от внешнего шума. Сквозь широкие панорамные окна раскинувшийся внизу мегаполис казался крошечным, упорядоченным макетом, расчерченным линиями уличных фонарей.

Аккуратно повесив пиджак в темный шкаф гардеробной, он прошел в зону кухни, всё еще ощущая тупое, но вполне терпимое нытье в уставшем бедре.

Глухой стук кубиков льда о дно тяжелого стакана сменился сухим щелчком гильотинки для сигар. Ровное, мягкое пламя зажигалки осветило его лицо, и лишь после первой глубокой затяжки он смог окончательно сбросить напряжение прошедшего вечера.

Устроившись в большом удобном кресле у самого стекла, Виктор задумчиво разглядывал россыпь ночных огней, размышляя о том, насколько легко люди убеждают себя в собственной неуязвимости, отгораживаясь от мира охранниками и красивыми, но пустыми словами.

Оставленный на журнальном столике телефон внезапно ожил, беззвучно транслируя на экран срочные новостные сводки о трагическом инциденте в галерее «Модерн». Механизм сработал безотказно, цель была устранена, а финансовая часть контракта уже нашла свое подтверждение на скрытых счетах.

Это был объективно удачный вечер, наполненный вкусом дорогого виски и тем пьянящим чувством безграничного контроля, которое приносила ему его профессия.

Однако где-то на самом краю сознания продолжало слабо пульсировать легкое недовольство. Оно не имело ничего общего со страхом или тревогой, это было лишь раздражение перфекциониста от того, что слепая случайность в лице неуклюжего официанта подобралась сегодня недопустимо близко к его продуманному сценарию.

Виктор медленно выдохнул, позволив этой досадной мысли просто раствориться в воздухе вместе с густым сизым дымом сигары.

Глава 2.

Дисциплина ритма

Он проснулся за две минуты до того, как солнце коснулось шпиля соседнего небоскреба. Ему не нужны были будильники: внутренний хронометр, настроенный годами жесткой дисциплины, работал точнее любой электроники. Виктор лежал неподвижно, глядя в потолок, и слушал, как квартира просыпается вместе с ним — где-то в недрах стен тихо щелкнуло реле климат-контроля, меняя ночной режим на утренний.

Он откинул одеяло и сел. Левое бедро отозвалось привычной, тупой болью — словно внутри сустава кто-то медленно проворачивал ржавый винт. Виктор даже не поморщился. Он принимал эту боль как данность, как старого, ворчливого попутчика, с которым приходится делить купе.

Квартира была его личным пространством тишины и покоя. Три просторные комнаты: спальня, где не было ничего лишнего, огромная гостиная с библиотекой и кухня, объединенная с зоной отдыха. Но первым делом он направился в третью комнату — свой личный спортзал.

Воздух здесь был пропитан запахом резины и железа. Никаких экранов с новостями, никаких модных беговых дорожек с выходом в интернет. Только силовая рама, ряд гантелей, скамья и боксерский мешок из толстой, потертой кожи.

Виктор подошел к аудиосистеме и выбрал трек. Рахманинов. Прелюдия соль-минор. Ему нужен был этот жесткий, маршевый ритм, который дисциплинирует ум.

Первые аккорды фортепиано зазвучали в комнате одновременно с первым подходом к штанге. Холодный гриф лег в ладони. Виктор работал медленно, концентрируясь на негативной фазе движения. Боль в ноге, поначалу острая, по мере разогрева мышц отступала, превращаясь в фоновое тепло. Он не боролся с ней, он договаривался. Вверх — выдох. Вниз — вдох. Музыка нарастала, становясь агрессивной, и Виктор ускорял темп, переходя к работе с мешком. Удары были короткими, сухими. Хлопок перчатки о кожу сливался с ударами клавиш. Когда музыка стихла, он стоял мокрый, дышал размеренно и глубоко. Тело больше не ныло — оно звенело, готовое к новому дню.

После душа он вышел на кухню. Здесь уже хозяйничала Марта, невысокая женщина лет шестидесяти, с аккуратным пучком седых волос и руками, которые никогда не знали покоя.

Она работала у Виктора уже четыре года, и за это время они научились понимать друг друга без слов.

На кухонном острове, сияя полированным хромом, стояла массивная кофемашина La Marzocco — массивный итальянский зверь, которого Виктор уважал за надежность. Здесь не было кнопок «сделать вкусно». Всё зависело от тебя: помол, темперовка, давление.

Виктор засыпал зерна. Шум кофемолки на секунду заглушил гул города за окном. Он тщательно разровнял кофейную таблетку темпером, визуальным образом проверяя уровень, и вставил холдер в группу. Густой эспрессо потек в чашку.

— Доброе утро, мистер Уайт, — напряженно произнесла Марта, протирая и без того чистую столешницу.

Виктор сделал глоток. Кофе был прекрасным — с горчинкой и нотами темного шоколада.

— Как внук, Марта? — спросил он, не оборачиваясь, глядя на панораму просыпающегося города.

Марта замерла с полотенцем в руках.

— Спасибо, что спросили... Врачи говорят, нужна еще одна серия процедур. Это... затянется.

Она старалась говорить спокойно, но Виктор слышал страх. Страх не за себя, а за маленького человека, который зависит от её зарплаты.

Он допил кофе, поставил чашку в мойку и прошел в гостиную, к своему рабочему столу. Достал из ящика плотный белый конверт, положил в него несколько купюр — сумма, которая покрыла бы три месяца её работы, — и вернулся на кухню.

Он положил конверт на стол, рядом с её сумкой.

— Это на «витамины», Марта. Не в счет зарплаты.

— Виктор, я не могу... — начала она, краснея.

— Можете. Мне нужно, чтобы вы думали о чистоте в моем доме, а не о счетах из клиники. Так будет лучше для нас обоих.

Он не дал ей времени на благодарности, уйдя в гостиную к зазвонившему телефону.

— Слушаю, Элиас — произнес Виктор, поднося трубку к уху. Он узнал номер антиквара.

— Доброе утро, мой друг, — голос старика скрипел, как старый паркет. — Я держу его в руках. Морской хронометр Улисс Нардин, 1846 год. Корпус из красного дерева, латунные петли... Это поэзия, Виктор. Но есть нюанс.

Виктор подошел к книжным полкам, проводя пальцем по корешкам.

— Какой нюанс, Элиас? Вы говорили, состояние музейное.

— Оно и есть музейное! — воскликнул антиквар, но тут же сбавил тон. — Дело в пружине хронометрического спуска. Владелец клянется, что она оригинальная. Но я смотрю через лупу... Виктор, металл слишком светлый. Я подозреваю, что её меняли. Возможно, в начале двадцатого века. Работа ювелирная, без единого изъяна, ход идеальный. Но...

— Но это не оригинал, — закончил за него Виктор.

— Именно. Это снижает коллекционную ценность, хотя и повышает надежность. Что скажете?

Виктор помолчал. Ему нравилась дотошность Элиаса. Другой бы продал и забыл.

— Если работа, как вы говорите, без единого изъяна и ей уже сто лет, она стала частью истории этих часов. Я возьму их, Элиас. Но с дисконтом в десять процентов за «светлый металл».

Старик рассмеялся в трубку.

— Я знал, что вы это скажете. Договорились. Заезжайте в пятницу, я заварю тот чай, который вы любите.

Ближе к полудню Виктор вышел из дома. Воздух после вчерашнего дождя был свежим и прозрачным. Он любил этот район — старый центр, где стекло небоскребов еще не вытеснило окончательно камень и лепнину исторических зданий.

Он зашел в «Бристоль» — небольшую кофейню с темными деревянными панелями и запахом корицы. Здесь был иной, более медленный ритм. Виктор занял столик у окна, заказал воду и открыл новости на планшете, но чтение не шло.

Его внимание привлекла женщина за соседним столиком. На вид ей было около тридцати пяти. Строгое пальто песочного цвета висело на спинке стула, а сама она была в темно-синей блузке. Незнакомка не смотрела в телефон, не теребила салфетку. Она читала книгу, настоящую, толстую книгу в твердом переплете.

Виктор наблюдал за ней несколько минут. Его взгляд профессионала, привыкший сканировать угрозы, сейчас просто отдыхал. Ему нравилось, как она хмурится, когда доходит до сложного места, как поправляет выбившуюся прядь волос, не отрываясь от текста. В этом была какая-то забытая будничность.

Почувствовав постороннее внимание, она оторвалась от чтения и подняла на него спокойные, темно-серые глаза.

— Бумажные страницы шуршат слишком громко для цифрового века? — спросила она с легкой улыбкой.

Виктор закрыл планшет.

— Напротив. Этот звук успокаивает. Что вы читаете?

Она чуть развернула книгу, показывая обложку — «Архитектура исчезнувших империй».

— Пытаюсь понять, почему то, что строили руками, стоит тысячелетия, а то, что проектируют компьютеры, устаревает через двадцать лет.

— Возможно, потому что камень не требует обновлений прошивки, — ответил Виктор. Она тихо рассмеялась.

— Елена, — представилась она.

— Виктор.

Они проговорили минут двадцать. О странностях городской застройки, о том, где в центре варят лучший кофе, и о том, почему люди перестали смотреть на небо. Виктор давно не получал такого удовольствия от диалога. Елена была остра на язык, образованна и, что самое важное, она слушала его, а не просто ждала своей очереди говорить.

Когда она взглянула на часы, Виктор почувствовал разочарование.

— Мне пора бежать, — сказала она, закрывая книгу. — У меня лекция через полчаса.

— Вы преподаете?

— Историю искусств. Пытаюсь научить студентов видеть разницу между красивым и дорогим.

Она начала собираться. Виктор понимал, что, если он сейчас промолчит, она просто уйдет, и этот момент растворится в городской суете.

— Елена, — он остановил её жестом. — Я бы хотел продолжить этот спор про камень и цифру. Возможно, за ужином?

Она внимательно посмотрела на него. Затем достала из сумочки визитку и ручку. Быстрым, летящим почерком написала номер на обороте.

— Позвоните мне завтра. Лучше после шести.

— Я позвоню.

Он смотрел, как она выходит из кофейни, пряча книгу в сумку. В ней была та же порода, что и в хороших часах или старом виски — качество.

К ателье Джузеппе он подошел, когда на улицах уже начали зажигаться фонари. За неприметной дверью скрывалось тесное, заставленное рулонами ткани помещение, где всегда было тепло, а в воздухе клубился влажный пар от утюга.

— А, Виктор! — Джузеппе, маленький и подвижный, как ртуть, вынырнул из-за штор. На его шее, как всегда, висел желтый сантиметр. — Ты как раз вовремя. Твой пиджак — это шедевр, клянусь памятью моей мамы. Английская шерсть, Super 150s.

Они прошли в примерочную. Виктор надел пиджак, подошел к огромному трехстворчатому зеркалу. Ткань легла прекрасно, обрисовывая плечи, но не сковывая движений. Джузеппе знал анатомию Виктора лучше, чем любой врач. Он знал, как скрыть кобуру, если понадобится, и как дать свободу рукам.

— Как ощущение? — спросил портной, одергивая рукава пиджака.

— Как вторая кожа, Джузеппе. Ты волшебник.

Портной хитро прищурился и похлопал по левому внутреннему карману пиджака.

— Там небольшой бонус.

Опустив руку во внутренний карман, Виктор нащупал плотную шероховатую бумагу, но вытаскивать спрятанный там конверт не стал. Ему было прекрасно знаком этот специфический вес чужой жизни, аккуратно спрессованной в несколько печатных листов с фотографиями и постоянными маршрутами.

— Спасибо, Джузеппе. Пиджак я заберу.

Расплатившись с портным, он вышел в сгущающиеся сумерки. Лежащий во внутреннем кармане конверт с чужой судьбой совершенно его не тяготил — Виктора больше занимала приятная мысль о том, что завтра ровно в шесть он наберет оставленный на визитке номер.

Глава 3. Слепые пятна

Темная папка с досье лежала на полированном дереве стола. Пять листов бумаги и одна фотография — всё, что осталось от конфиденциальности Роберта Стоуна, владельца строительного конгломерата, чьи амбиции давно переросли границы дозволенного.

Виктор, достав бумаги из внутреннего кармана пиджака, внимательно изучал их с сосредоточенностью человека, разгадывающего сложный кроссворд.

Стоун был фигурой крупной, шумной и, как выяснилось, удивительно предсказуемой. Его жизнь, расписанная по минутам, представляла собой скучный маршрут между загородным поместьем в Северных Холмах, стеклянным офисом в финансовом квартале и квартирой любовницы в районе Доков. Охрана, состоящая из двух бывших сотрудников частных военных компаний, давно потеряла бдительность, убаюканная годами размеренной, сытой жизни в мегаполисе, где единственной угрозой казались папарацци или недовольные акционеры.

Запомнив номера машин и временные интервалы, Виктор подошел к кухонной мойке. Разорвав плотные листы и фотографию на несколько частей, он бросил их в слив и открыл кран. Ровный гул мощного измельчителя отходов на мгновение нарушил тишину: стальные ножи за пару секунд перемололи чужую тайну в невидимую труху, которую поток воды бесследно унес в канализацию.

Когда стрелки часов приблизились к шести, Виктор набрал номер, написанный летящим почерком на визитной карточке. Гудки длились долго, но, когда Елена ответила, в её голосе, звучавшем на фоне гулко-го эха университетской аудитории, слышалась улыбка.

— Виктор? Я надеялась, что вы позвоните именно сегодня.

— Я стараюсь не нарушать обещаний, Елена. — Наше вчерашнее обсуждение архитектуры осталось незавершенным, и я подумал, что ужин в «Оранжеее» мог бы стать отличным поводом продолжить спор.

— «Оранжеея» ... — задумчиво протянула она. — Там слишком много фикусов для одного помещения, но кухня искупает этот недостаток. Давайте встретимся в восемь, мне нужно немного времени, чтобы смыть с себя пыль веков после лекций о готике.

Ресторан, расположенный в глубине Старого города, действительно напоминал тропический лес, заключенный в стеклянную клетку. Огромные, мясистые листья пальм и монстер создавали естественные перегородки, заглушая звон приборов и разговоры гостей, а дождь, барабанивший по стеклянному куполу, превращал огни вечернего города в размытые акварельные пятна. Виктор, пришедший заранее, выбрал угловой столик, который позволял ему контролировать зал, оставаясь при этом в тени разлапистого папоротника.

Елена появилась ровно в восемь, и её появление заставило Виктора невольно выпрямиться. В темно-синем платье, струящемся при каждом шаге, она выглядела воплощением сдержанной, уверенной элегантности, которой так не хватало этому суетливому городу.

Им было легко друг с другом, как будто они знали друг друга уже много лет. Они обсуждали город, который менялся на их глазах, спорили о том, имеет ли право стекло вторгаться в царство камня, и Елена, вращая ножку бокала с красным вином, доказывала, что современные здания лишены души, потому что они не умеют стареть, а умеют только ветшать.

В какой-то момент их уединение было нарушено. За соседний столик, отделенный лишь тонкой зеленой стеной растений, с шумом опустилась семья. Ухоженная женщина в дорогом деловом костюме, не прерывая телефонного разговора, жестом указала двоим детям — мальчику и девочке лет девяти — на стулья.

— Я сказала, продавайте пакет, мне плевать на прогнозы аналитиков! — её резкий и властный тон резал слух, разрушая интимную атмосферу вечера. — Если к утру акции упадут, я уволю весь отдел!

Она даже не взглянула на детей. Те синхронно достали планшеты, и их лица тут же оза-рились голубоватым свечением экранов. Подошедший официант, молодой парень с усталым лицом, принял заказ у матери, полностью игнорируя маленьких гостей.

— Пасту, — бросила женщина, продолжая набирать сообщение. — И сок. Любой.

Виктор наблюдал за этой сценой с нарастающим чувством неправильности происходящего. Официант не смотрел на детей, мать не замечала их присутствия, и даже сами дети, казалось, находились где-то очень далеко, в своих пиксельных мирах, механически отправляя в рот еду, вкуса которой они не чувствовали.

Девочка, не отрываясь от экрана, пихнула брата локтем и что-то злобно прошипела, но тот только огрызнулся в ответ, даже не повернув головы. Это было похоже на общение двух роботов, чьи программы дали сбой.

— Невидимки, — тихо произнес Виктор, не отводя взгляда от соседнего стола.

Елена, проследив за его взглядом, грустно кивнула.

— Это страшная картина, Виктор. Они сидят вместе, но между ними — световые годы пустоты. Мать в бизнесе, дети в игре, и никого нет здесь, в настоящем моменте.

— Я думаю не о пустоте, — медленно проговорил Виктор, формулируя мысль, которая внезапно показалась ему важной. — Посмотрите на официанта. Он прошел мимо них, даже не взглянув. Для него, для охраны на входе, для всего этого мира они просто не существуют. Они ниже уровня глаз, ниже уровня угрозы. Если бы этот мальчик сейчас встал и прошел на кухню или в служебное помещение, его бы никто не остановил, потому что никто не ожидает подвоха от того, кого не замечает.

Елена посмотрела на него с неожиданным интересом, будто увидела в нем что-то новое.

— Вы рассуждаете как стратег, ищущий брешь в обороне, — заметила она. — А это просто несчастные дети богатых родителей, у которых есть всё, кроме внимания.

— Возможно, вы правы, — Виктор сделал глоток вина, пытаясь смыть неприятный осадок от увиденного. — Но эта мысль... она заставляет задуматься о слепых пятнах нашей реальности. Уйдем отсюда? Здесь становится слишком душно от этого голубого света.

Квартира Елены находилась в тихом переулке Исторического квартала, в доме, который построили еще в прошлом веке. Воздух в парадной был пропитан не сыростью, а старым деревом и, едва уловимо, ванилью. Лифт, старинная кованая клетка, поднимался медленно и с достоинством.

Когда она открыла дверь, Виктора обдало теплом. Это был не климат-контроль, а именно живое тепло нагретых за день вещей.

Квартира была полной противоположностью его лофта. Высокие потолки с лепниной, темный паркет, который тихо и уютно вздыхал под ногами. Стены были уставлены стеллажами — не декоративными, а рабочими, забитыми книгами до самого верха. Здесь были альбомы по живописи, стопки журналов, какие-то статуэтки, привезенные из дальних стран.

Взгляд Виктора зацепился за картину над диваном. Это было что-то современное и тревожное: темные, рваные мазки, сквозь которые проступало искаженное лицо.

— Фрэнсис Бэкон. Репродукция, конечно, — сказала Елена, заметив его интерес. — Немного пугает, да?

— Скорее, держит в тонусе, — ответил Виктор. — Станный выбор для дома.

— Мне нравится бескомпромиссность. Боль — это тоже часть жизни, — она прошла к низкому комоду, на котором стоял настоящий виниловый проигрыватель.

— Что вы любите? — спросила она, перебирая пластинки. — Джаз? Классику?

— Рахманинов. Если есть.

Елена удивленно подняла бровь, но кивнула.

— Второй концерт. Хороший выбор.

Она опустила иглу. Раздался мягкий треск, а затем комнату наполнили первые, мощные аккорды фортепиано. Звук был объемным, теплым, с шероховатостями, которые убивает цифровая запись.

Виктор сидел на диване, наблюдая, как Елена разливает вино, и думал о том, что в его стерильном, функциональном мире не хватало именно этого — несовершенства, шероховатости звука, тепла живого общения.

Здесь вещи жили своей жизнью. Этот дом обнимал, затягивал.

Елена подошла к нему с двумя бокалами вина. Она скинула туфли и села рядом, поджав ноги. Теперь, без пальто, в полумраке комнаты, она казалась более хрупкой и одновременно более настоящей.

— Вы слушаете так, словно ищите в музыке ответы, — произнесла она, передавая Виктору вино.

— Возможно, — ответил он, принимая бокал. — Рахманинов умел укрощать стихию, подчинять её своей воле.

— О нет, Виктор, это не структура, — она улыбнулась, и в полумраке комнаты её улыбка показалась ему удивительно мягкой. — Это крик. Это исповедь человека, который пытается подняться после падения, научиться дышать заново. Слышите? Здесь не марш победителя, здесь боль, превращенная в красоту.

Виктор прислушался. В густых, переливающихся нотах действительно слышалась не стальная уверенность, к которой он привык, а пульсирующая уязвимость.

— Вы носите свою силу как броню, Виктор, — неожиданно сказала Елена, глядя ему в глаза. — Но даже самой крепкой броне иногда нужно давать отдых.

Он поставил бокал на стол. Его рука, привыкшая держать оружие или холодный металл тренажеров, коснулась её ладони. Елена не отстранилась, напротив, она медленно переплела свои пальцы с его.

Музыка Рахманинова плыла по комнате, поднимаясь к высоким потолкам, и в этом старом доме, среди книг и странных картин, Виктор впервые за много лет почувствовал, что ему не нужно никуда бежать. Не нужно сканировать периметр. Не нужно исполнять роль.

Музыка заполняла комнату, заглушая шум города за окном, заглушая мысли о «невидимых» детях и завтрашнем заказе.

Виктор подался вперед и коснулся губ Елены, и в этом осторожном прикосновении растворилась вся накопившаяся усталость, уступая место совершенно незнакомому ему чувству покоя.

Глава 4. Раковины из капюшенов

Низкое утреннее небо давило на крыши, а дождь, морозящий с самой ночи, превратил воздух в густую морось, насыщенную выхлопными газами и сыростью. Зона высадки перед кирпичным зданием школы напоминала потревоженный улей: вереница машин двигалась рывками, дворники яростно счищали воду со стекол, а тротуар пестрел сотней разноцветных стелкивающих зонтов.

В салоне серебристого минивэна было тепло и тихо, но Лео чувствовал, как это безмолвие давит на уши. Ему было одиннадцать, но он уже знал, что такое дедлайн и ответственность перед инвесторами. Инвесторами были его родители, а инвестировали они в него.

Он сидел, прижавшись лбом к прохладному стеклу, и смотрел, как капли воды сползают вниз, сливаясь в ручейки. Рядом, занимая половину заднего сиденья, громоздилась его жизнь: рюкзак, распухший от учебников, черный футляр скрипки и длинный чехол с фехтовальной экипировкой.

— Лео, — мама с водительского сиденья говорила быстро и деловито. Она не обернулась, проверяя что-то в смартфоне, закрепленном на приборной панели. — У тебя сегодня прослушивание в три. Я договорилась с мистером Грантом, он послушает твою партитуру перед конкурсом.

— Я помню, мам.

— И пожалуйста, следи за осанкой. В прошлый раз ты горбился, как старик. Если мы хотим подавать документы в частную гимназию Святого Патрика, портфолио должно быть отличным.

Лео кивнул своему отражению в стекле. Он хотел сказать, что ненавидит скрипку, что от вибрации струн у него ноют зубы, а фехтовальная маска отдает чужим потом и резиной. Но он промолчал. В их семье не было принято повышать голос или спорить. Но даже если это и происходило, мама просто разочарованно вздыхала, и этот тихий вздох пугал его до дрожи. Он означал, что проект под названием «Лео» не оправдывает вложений.

— Иди, — сказала она, когда машина затормозила у бордюра. — Не забудь сменную обувь.

Лео шагнул под морозящий дождь, тут же ссутулившись под весом переполненного рюкзака.

Чуть дальше, у самого знака «Остановка запрещена», плавно затормозил черный седан. Водитель в строгой фуражке вышел первым, раскрыл огромный черный зонт и только потом открыл заднюю дверь.

Софи поправила лямку дорогого ранца, погруженная в стерильную тишину просторного салона, где некому было задать простой утренний вопрос о сне или заботливо одернуть воротничок блузки. С отцом, улетевшим по делам в Цюрих, и матерью, уехавшей на очередной духовный ретрит, вся её жизнь давно и надежно управлялась гувернанткой, молчаливым водителем и бездушными уведомлениями семейного календаря.

Водитель подал руку, помогая Софи выйти из машины. На ней была та же школьная форма, что и на остальных — темно-синяя юбка в складку, белая блузка, но ткань была другой — более качественной и более дорогой. Кашемировое пальто бежевого цвета, небрежно брошенное на плечи, стоило больше, чем подержанный автомобиль учителя истории.

— Хорошего дня, мисс Софи, — дежурно произнес водитель, глядя поверх её головы.

— Спасибо, Том, — так же дежурно ответила она.

Девочка направилась к школьным дверям, осторожно выбирая путь между грязными лужами, пока другие ученики невольно расступались, создавая вокруг нее неловкую пустоту. Все ее попытки стать своей — зауценный смех над чужими шутками или угощение дорогим

шоколадом из ланч-бокса — разбивались о глухое отчуждение сверстников, видевших в ней только недостижимый достаток и не замечавших за ним мучительного одиночества.

Хлоя проскользнула на школьный двор через неприметную боковую калитку, прижимаясь к серой кирпичной кладке в отчаянной попытке стать невидимой. Её худая фигурка терялась в складках безразмерной толстовки, а низко надвинутый капюшон служил девочке надежным, глухим укрытием от любой внешней угрозы.

Под толстовкой скрывалась футболка с пятном от томатного соуса, которое не отстиралось, потому что стиральный порошок закончился три дня назад, а у мамы не было сил идти в магазин. У мамы часто не было сил. Они исчезали вместе с первой открытой бутылкой дешевого вина.

Утренняя сырость проникала сквозь тонкую ткань, заставляя девочку прятать озябшие руки глубже в карманы, где перекатывались три найденные на домашнем столе монеты — ее единственный шанс на скромный школьный завтрак.

Она двигалась по коридору, сосредоточив внимание на отклеивающейся подошве старых кед, чтобы ни с кем не пересекаться взглядом. Эта выверенная тактика превращала ее в бесшумную тень, спасая и от неудобных вопросов учителей об оплате экскурсий, и от лишнего внимания одноклассников.

Требовательный звонок потонул в шуме заполняющихся коридоров, в которых смешались запахи сырой одежды и едкого моющего средства.

В душном классе монотонные объяснения мистера Лоу сливались в ровный фон, сквозь который Итан слышал только мерный, неотвратимый ход настенных часов, отмеряющих время до конца уроков.

Мальчик сидел напряженно, спрятавшись в наглухо застегнутую рубашку, которую никогда не расстегивал даже на физкультуре, предпочитая переодеваться в пустых туалетных кабинках, чтобы никто не заметил оставленных отцом синяков.

Внезапный стук упавшего позади учебника заставил его сжаться и рефлекторно прикрыть голову руками, выдавая введшуюся, глубокую привычку ждать удара. Услышав обращенный к нему недоуменный вопрос учителя, Итан заставил себя опустить руки и тихо извиниться, стараясь не замечать взглядов одноклассников.

Школа оставалась его единственным безопасным местом, но стрелки на стене продолжали свое движение, безжалостно сокращая время до возвращения домой к отцу.

Глава 5. Аксессуары

Частный клуб «Силвер-Лейк» был местом, где город заканчивался и начиналась стерильная, кондиционированная утопия. Здесь, за высокой живой изгородью из красиво подстриженного тиса, не было слышно шума автострады, не было запаха бензина и мокрого асфальта. Воздух здесь имел свой особый состав: смесь скошенной травы, дорогого солнцезащитного крема и ледяного белого вина.

На открытой террасе, в тени широких полотняных зонтов кремового цвета, сидела Клэр. Она была одета в теннисное платье, хотя ракетка, лежавшая на соседнем стуле, так и осталась в чехле. Клэр не играла, у неё не было на это сил — не физических, а тех внутренних, что заставляют двигаться ради удовольствия.

Напротив неё, постукивая свежим маникюром по ножке бокала с минеральной водой, сидела Эвелин. Она только что приехала после встречи с ландшафтным дизайнером, и её лицо выражало ту степень сосредоточенности, с какой генералы планируют наступление.

Но центром этой композиции были не они.

В нескольких метрах от столика, на низком плетеном диване, сидел Джулиан, одиннадцатилетний сын Клэр. Он был одет в школьные брюки и белое поло с эмблемой школы, но его рюкзак валялся на полу, напоминая выброшенный мусор.

— Я всё еще не понимаю, — произнесла Эвелин, понизив голос до шелестящего шепота, который используют, обсуждая смертельные диагнозы или банкротства. — Почему он здесь? Разве сегодня не среда? У них же день французского языка.

Клэр сделала долгий глоток воды, будто пыталась смыть неприятный привкус. Она даже не посмотрела на сына, её взгляд был прикован к кубикам льда в бокале.

— Директор позвонила мне в десять утра. Представляешь? В десять. Я была на массаже. Мне пришлось прервать сеанс, одеться и ехать через весь город, потому что у моего сына, видите ли, «проблемы с контролем агрессии».

— Агрессии? — Эвелин удивленно приподняла идеально очерченную бровь. Она бросила быстрый взгляд на Джулиана. Мальчик сидел неподвижно, уткнувшись в планшет. Его плечи были опущены, ноги аккуратно сведены вместе. Он выглядел не как агрессор, а как дорогая фарфоровая кукла, которую забыли убрать в коробку.

— Он толкнул одноклассника, — с раздражением пояснила Клэр. — Тот мальчик, кажется, пытался забрать у него стилус. Джулиан его толкнул, тот упал, разбил колено. Крови было — на три капли, но родители там... Ты же знаешь эту породу новых денег. Они пригрозили иском. Директор решила, что Джулиану лучше провести день дома, «чтобы остыть».

Она произнесла слово «дом» с такой интонацией, словно это была тюремная камера.

— И теперь мой день разрушен, — закончила она. — Няня взяла отгул, у неё заболел зуб. Водитель занят с машиной мужа. Мне пришлось везти его сюда.

Не отрывая взгляда от экрана, Джулиан едва заметно пошевелился, продолжая нервно водить пальцем по гладкому стеклу планшета. До него отчетливо доносилось каждое произнесенное слово, раз за разом подтверждающее его роль досадной помехи в плотном материнском графике.

Возле их столика бесшумно появился молодой официант с заученно-вежливым выражением лица.

— Желаете что-нибудь для молодого человека, мадам? — поинтересовался он, обращаясь исключительно к Клэр и игнорируя присутствие самого Джулиана.

Клэр вздохнула, наконец-то удостоив сына взглядом.

— Джулиан, ты голоден?

Мальчик на секунду оторвался от экрана и с надеждой посмотрел на мать.

— Я бы хотел бургер, — сказал он. — И картошку.

Клэр поморщилась, как будто он попросил ведро грязи.

— Нет, — отрезала она, поворачиваясь к официанту. — Никакого жареного. Принесите ему салат с куриной грудкой, без заправки. И свежавыжатый сок. Сельдерей и яблоко. Ему нужно успокоить нервы.

— Мам, я не люблю сельдерей, — в отчаянии прошептал Джулиан. — Он горький.

— Джулиан, — в интонациях Клэр проступила жесткость. — Ты сегодня наказан. Ты создал проблемы мне, директору и той бедной семье. Ты будешь есть то, что полезно для твоего мозга. Может быть, тогда ты начнешь думать, прежде чем распускать руки.

Джулиан послушно опустил голову и вернулся к экрану планшета, прячась в единственном пространстве, которое полностью подчинялось его правилам.

Проводив официанта взглядом, Эвелин с любопытством посмотрела на подругу.

— Ты с ним слишком строга, — негромко заметила она. — Хотя моя Софи вчера тоже устроила истерику из-за того, что я пропустила ее балет. У меня была важная встреча с риелтором насчет летнего дома в Хэмптонсе, я же стараюсь ради ее будущих каникул, а в ответ получаю упреки, что я равнодушная.

Клэр раздраженно вздохнула.

— Они просто невероятные эгоисты. Мы обеспечиваем им лучшие школы, врачей и вещи, о которых сами в их возрасте даже не мечтали, а им вечно нужно что-то еще. Наверное, чтобы мы сидели рядом круглыми сутками.

— Они требуют нашего времени, — задумчиво протянула Эвелин. — Вот только оно обходится слишком дорого.

Разговор прервался появлением официанта, бесшумно поставившего перед мальчиком тарелку с зелеными листьями и стакан густого овощного сока. Отложив планшет, Джулиан устался на еду, совершенно не испытывая аппетита, но всё же послушно подцепил вилкой первый лист салата и принялся медленно, равнодушно жевать.

Клэр тем временем окончательно потеряла к сыну интерес, с оживлением переключившись на обсуждение нового тренера по пилатесу, чьи дорогие сеансы наконец-то спасли ее спину после долгих перелетов.

Тщательно пережевывая горький сельдерей, Джулиан молча наблюдал за тем, как вспыхивают камни на кольцах на пальцах матери, когда она увлеченно жестикулирует. Она сидела совсем близко, красивая и ухоженная, но всё ее внимание принадлежало какому-то другому, недостижимому миру, в котором для него просто не было места.

Стоило ему на секунду отвлечься и потянуться обратно к экрану, как Клэр тут же прервала разговор, безошибочно уловив это движение боковым зрением.

— Никаких гаджетов за столом, — безапелляционно произнесла она. — Ешь и подумай о своем поведении.

Мальчик покорно опустил руку и выпрямился, устремив пустой взгляд на залитую солнцем лужайку за окном. В нем не осталось ни обиды, ни желания плакать — только покорное понимание того, что он обязан просто сидеть здесь, не доставляя взрослым лишних хлопот.

Глава 6. Троянский конь

Утреннее пробуждение было долгим и неспешным, заставляя Виктора несколько секунд лежать с открытыми глазами, пока окружающая обстановка не обрела резкость. Сквозь узкую щель в шторах в спальню пробивался ровный солнечный свет, мягко освещая царящий в комнате обжитой беспорядок.

В этом пространстве совершенно не хотелось торопиться, оно было наполнено густым, теплым ароматом старой мебели, нагретого дерева и чужого глубокого сна. Обычно такая плотная концентрация чужой жизни вызывала у него желание немедленно проветрить помещение, но сегодня ощущение близости другого человека воспринималось на удивление естественно и легко.

Зародившаяся в первые секунды пробуждения идея наконец-то оформилась до конца, связывая разрозненные детали вчерашнего вечера в одну ясную логическую цепь.

Лежащая рядом Елена едва заметно пошевелилась во сне, продолжая тихо и глубоко дышать. Виктор осторожно сел на край кровати, подстраивая свои обычно точные, выверенные движения под неспешный ритм этой квартиры.

Проснувшись, женщина посмотрела на него и слабо улыбнулась.

— У меня нет кофе, — произнесла она, прогоняя остатки сна. — Я забыла купить зерна еще во вторник.

— Ничего, — ответил Виктор, легко коснувшись её плеча. — Мне пора.

Он оделся, возвращаясь в свою строгую униформу из темных брюк и белой рубашки, пока Елена молча наблюдала за ним из-под одеяла. Среди разложенных на полу журналов и бесконечных стеллажей с альбомами по искусству его подчеркнуто аккуратный вид казался слишком правильным и оттого совершенно неуместным.

Застегнув ремешок часов, Виктор медленно наклонился к кровати и поцеловал её.

— Дверь внизу захлопывается сама, — напомнила Елена, глядя ему в глаза. — Но нужно потянуть ручку на себя.

Кивнув, он покинул квартиру, и неспешно спустился по каменным ступеням прохладного, пустынного подъезда.

Дорога обратно сквозь плотный утренний поток машин заняла около сорока минут, в течение которых Виктор вел автомобиль практически на автомате, погружившись в обдумывание своей идеи. С каждым перекрестком он всё больше возвращался в собственную реальность, состоящую из строгих линий, бетона и чистоты.

Знакомое пространство на тридцать четвертом этаже как обычно дышало прохладным, тщательно отфильтрованным воздухом. Повесив костюм в шкаф рядом с чередой идентичных пиджаков и рубашек, Виктор переоделся в спортивную форму — сейчас ему был нужен ровный ритм физической нагрузки для окончательного прояснения мыслей.

Перейдя в домашний зал, он лег под штангу, запуская привычный монотонный цикл из глубоких вдохов и плавных подъемов веса. По мере того, как мышцы наливались усталостью от механической работы, утренняя идея приобретала всё более четкие и завершенные очертания.

Выстроенная Робертом Стоуном система безопасности представляла собой единый механизм с тройным периметром, непрерывным сканированием и профессиональной охраной, нацеленной на перехват любой очевидной угрозы.

Вернув штангу на стойки, Виктор мысленно разобрал эту защиту на составляющие, прекрасно понимая главную уязвимость подобной структуры. Любая плотная сеть настроена на поиск конкретной, крупной цели: охранники всегда высматривают взрослого, вооруженного и агрессивно настроенного человека. Однако вчерашний вечер наглядно доказал ему существо-

вание целой категории людей, которых взрослый мир привык воспринимать как безопасный фон и никогда не проверяет всерьез.

Вытерев лицо полотенцем, он переместился на просторную кухню, где неторопливый, выверенный до мелочей процесс приготовления кофе заменял ему утреннюю медитацию. Отмерив нужное количество зерен, Виктор запустил кофемолку, а затем уверенным движением спрессовал темный порошок, наблюдая за тем, как густая жидкость медленно наполняет чашку, распространяя вокруг себя горьковатый кофейный аромат.

Он перешел в кабинет и поставил чашку на широкий стеклянный стол, на котором со вчерашнего вечера лежали подробные чертежи офисного здания и загородного дома Стоуна.

Включив лампу, Виктор сосредоточил внимание на плане первого этажа и детально изучил расположение турникетов, рамок металлоискателей и постов охраны. Эта система ежедневно пропускала через себя сотни курьеров, доставщиков и партнеров по бизнесу, подвергала каждого тщательному сканированию и проверке документов, работая по строгому алгоритму исключения малейших рисков.

Но существовала категория предметов, способная отключить эту профессиональную паранойю, вызвать у службы безопасности только рефлекторную, снисходительную улыбку и сделать своего носителя невидимым.

Сделав глоток крепкого кофе, Виктор окончательно сформулировал свой план: ему не требовалось искать сложные пути обхода или взламывать электронные замки. Достаточно было войти через главный вход под видом доставщика, несущего в руках нечто настолько яркое, праздничное и очевидно безопасное, что ни один охранник не решится устроить этому грузу серьезный досмотр.

Откинувшись в кресле, он перевел спокойный взгляд на сверкающие в утреннем солнце стеклянные башни финансового квартала. Где-то там, за своими неприступными периметрами и сотнями камер, находился Роберт Стоун, уверенный в том, что надежно запер все возможные двери. Он даже не подозревал, что в любую из них можно просто зайти, если принести с собой правильный подарок.

Глава 7. Механическая душа

Антикварная лавка «Хронос», затерянная в лабиринте узких улиц района Доков, не нуждалась в яркой вывеске или витрине. О ее существовании знали лишь те, кто ценил время в его физическом воплощении — в бронзе, красном дереве и сложной вязи шестеренок.

Дубовая дверь, обитая потемневшей от соли и ветров медью, легко подалась под рукой Виктора и бесшумно открылась внутрь небольшого помещения, где воздух был насыщен ароматами старого лака, пыли, оседающей на бархат футляров, и часового масла.

Пространство магазина заполнял ритмичный, многоголосый перестук сотен маятников. Они качались не в такт, создавая сложный, гипнотический узор звука, который обволакивал входящего, заставляя его собственный пульс подстраиваться под это размеренное течение секунд.

Элиас сидел за высоким верстаком в глубине помещения, в кругу теплого света от лампы с зеленым абажуром. Антиквар склонился над разобранным механизмом, вооружившись пинцетом и часовой лупой, которая делала его правый глаз огромным и внимательным, как у глубоководной рыбы. Услышав дверной колокольчик, он аккуратно положил инструмент на кусок мягкой фланели и поднял голову.

— Виктор, — произнес он, снимая лупу. — Ты пунктуален, как швейцарский анкерный спуск.

— Договор дороже денег, Элиас, — ответил Виктор, проходя между рядами напольных часов, похожих на застывших часовых. — Ты обещал мне поэзию в красном дереве.

Старик усмехнулся, и сеть морщин у его глаз стала глубже. Он выдвинул из-под верстака деревянный ящик, достал оттуда массивный лакированный футляр и поставил его на прилавок перед Виктором.

— Улисс Нардин, морской хронометр, тысяча восемьсот сорок шестой год, — Элиас произнес это с тем благоговением, с которым священник произносит имя святого. — Корпус из красного дерева, латунные петли, карданный подвес. Он видел больше штормов, чем мы с тобой видели дождей.

Виктор провел рукой по гладкой, прохладной крышке, ощущая под пальцами текстуру старого дерева. Он открыл футляр. Циферблат цвета слоновой кости был идеален, черные римские цифры сохранили четкость, а золотые стрелки замерли в ожидании.

— Можно взглянуть на спуск? — спросил Виктор, доставая из кармана собственные тонкие перчатки.

— Разумеется. Я подготовил его к осмотру.

Виктор аккуратно вынул увесистый латунный механизм из корпуса и перевернул его, сосредоточив внимание на спирали и балансовом колесе. Элиас оказался прав: среди потемневших от времени деталей пружина спуска выдавала себя более светлым и холодным оттенком нового металла.

— Ты был прав, — кивнул Виктор, возвращая механизм на место. — Сталь начала двадцатого века. Работа ювелирная, подгонка отличная, но это, безусловно, замена.

— Я не продаю кота в мешке, — Элиас развел руками. — Коллекционная стоимость снижена, как мы и обсуждали. Но как прибор для измерения времени он стал только надежнее. Эта сталь выдержит еще сто лет.

— Меня устраивает, — Виктор достал смартфон и сделал быстрый перевод оговоренной суммы. — Я беру его не для музея. Я беру его для себя. Мне нравится мысль, что кто-то сто лет назад решил не выбрасывать сломанную вещь, а починить ее, дав ей вторую жизнь. В этом есть правильный подход.

Он закрыл футляр, щелкнув латунным замком, и отодвинул покупку на край стола. Сделка была завершена, но уходить Виктор не спешил. Он снял перчатки, убрал их в карман и снова переключил внимание на антиквара.

— Теперь о другом, Элиас. Роберт Стоун.

Рука старика, тянувшаяся к чашке с чаем, на мгновение замерла в воздухе. Элиас медленно сплел пальцы рук в замок и с любопытством посмотрел на Виктора поверх очков. Антиквар был осторожным человеком, который умеет хранить чужие секреты, но предпочитает не знать лишнего.

— Стоун... — задумчиво протянул он. — Крупная рыба в мутной воде. Человек, который покупает историю килограммами. Он скупает импрессионистов, потому что это престижно. Скупает античную бронзу, потому что это весомо. У него нет вкуса, Виктор. У него есть только неумный аппетит.

— Меня не интересуют его инвестиции, — Виктор подошел к полке, где стояла старинная заводная птица в клетке, и коснулся прутьев. — Меня интересует его слабость. То, что он любит по-настоящему. То, что он прячет в своем кабинете, а не выставляет в гостиной напоказ.

Элиас снял очки и начал протирать их, глядя на свет лампы.

— Ты всегда умел задавать правильные вопросы. Да, у Стоуна есть страсть, о которой знают немногие. Он одержим автоматами.

Виктор обернулся.

— Механические куклы?

— Не просто куклы. Шедевры механики восемнадцатого века. Пьер Жаке-Дро, Вокансон. Его завораживает имитация жизни. Он может часами наблюдать, как механический музыкант перебирает пальцами клавиши или как заводной пастушок подносит флейту к губам.

— Имитация жизни, — повторил Виктор. Это прекрасно укладывалось в психологический портрет Стоуна. Строительный магнат, помешанный на контроле, любил послушных, предсказуемых созданий. Механический человек никогда не совершит ошибку, не предаст, не попросит прибавки. Он совершенен в своей несвободе.

— На этой неделе аукционный дом «Сотбис» выставляет коллекцию графа фон Кляйста, — продолжил Элиас, водружая очки обратно на нос. — Гвоздь программы — лот номер сорок два. «Пишущий мальчик». Швейцарская работа, тысяча семьсот восьмидесятый год. Уникальный механизм: кукла макает перо в чернильницу и выводит на бумаге фразу. Стоун охотится за ним уже три года.

— Что он пишет? — спросил Виктор.

— «Cogito, ergo sum».

— «Я мыслю, следовательно, я существую», — перевел Виктор, и уголок его губ дрогнул в усмешке. — Какая ирония. Механизм, не имеющий сознания, утверждает свое существование через акт мышления. Стоун будет там лично?

— Безусловно. Он не доверяет брокерам такие вещи. Он хочет видеть лот до торгов, хочет проверить состояние шестеренок своими руками. Завтра состоится закрытый показ для избранных клиентов. Вход только по именным приглашениям.

Виктор достал из внутреннего кармана конверт. В нем не было денег, там лежала визитка частного инвестора из Цюриха — одна из его многочисленных заготовленных личин.

— Мне нужно попасть туда, Элиас. Я хочу взглянуть на этого мальчика.

Антиквар внимательно посмотрел на него. В полумраке лавки, среди тиканья сотен часов, его лицо казалось вырезанным из старого пергамента.

— Ты ведь не собираешься его покупать, Виктор? Цена уйдет за пять миллионов.

— Я собираюсь поднять ставки. И посмотреть в глаза конкуренту.

Элиас молчал, взвешивая риски. Он знал Виктора достаточно давно, чтобы понимать: если тот просит входной билет, значит, спектакль уже расписан по нотам. Антиквар открыл нижний ящик стола и извлек оттуда плотный конверт кремового цвета с золотым тиснением.

— У меня есть лишнее приглашение. Один мой клиент не смог прилететь из-за сложностей с таможней. Но учти, Виктор: там будет много охраны. Стоун ходит не один, и его люди — не музейные смотрители.

— Я знаю. Я иду туда не работать. Я иду знакомиться с искусством.

Виктор взял приглашение, отметив плотность и легкую бархатистую фактуру по-настоящему дорогой бумаги. Лот 42. «Пишущий мальчик». Идеальный ребенок, который пишет философские истины, не имея души.

— Спасибо, Элиас.

— Береги себя, — проворчал старик, возвращаясь к своему разобранному механизму. — И постарайся ничего не сломать. Людей можно заменить, уникальные механизмы — нет.

Виктор взял футляр с хронометром под мышку. Он вышел на улицу, где солнце уже начинало разгонять утренний туман, стелющийся над водой. Город просыпался, наполняясь шумом, но Виктор все еще слышал внутри себя размеренное тиканье часов из лавки.

Механический мальчик, запертый в стеклянном кубе аукционного дома, ждал. Стоун любил контроль. Что ж, Виктор собирался подарить ему самую совершенную иллюзию контроля, которая станет последней в его жизни.

Глава 8. Я мыслю — значит, существую

Аукционный дом «Ван Дер Берг» располагался в особняке из белого камня, который всем своим видом говорил о старых деньгах и респектабельности. Здесь не было случайных людей. Вход только по спискам. Проверка на пороге была вежливой, но унизительно тщательной процедурой: металлоискатели, сканеры, холодные глаза начальника службы безопасности, который лично проверял приглашение каждого гостя.

Виктор прошел проверку. В кармане его пиджака лежало приглашение на имя инвестора из Цюриха, а в голове — четкое понимание того, что любое оружие, даже самое замаскированное, осталось бы в лотке сканера. Но он был пуст. Его единственным оружием сегодня был голос и наблюдение.

Просторный зал предпросмотра был погружен в плотную, искусственную тишину, где плотная ткань штор надежно скрадывала любые шаги, а неяркий свет выхватывал из полумрака стеклянные стенды с выставленными лотами. Немногочисленная публика в дорогой одежде вполголоса обменивалась репликами, стараясь не нарушать установленный здесь почтительный покой.

Виктор безошибочно вычислил Роберта Стоуна не по внешности, а по той характерной, тщательно выверенной пустоте, которую создавала вокруг его грузной фигуры личная охрана. Пока сам Стоун, заложив руки за спину, с уверенностью хозяина рассматривал содержимое центральной витрины, Виктор сосредоточил всё свое внимание на сопровождающих его людях.

Их было двое, и в каждом их скупом движении угадывался опыт серьезных военных контрактов. Первый телохранитель держался на расстоянии вытянутой руки чуть позади и левее своего нанимателя. На нем был расстегнутый пиджак, и он непрерывно отслеживал ладони находящихся поблизости людей. Второй курсировал в нескольких метрах от них, четко перекрывая линии обзора и контролируя весь периметр зала. Это была глухая, правильно выстроенная оборона, исключаящая любой шанс на случайное сближение: любая попытка сократить дистанцию или сделать резкое движение была бы пресечена за долю секунды.

Прекрасно понимая, что подойти к Стоуну вплотную без молчаливого согласия этой системы никак невозможно, Виктор начал медленно смещаться к центральному стенду. Он выверял свою траекторию так, чтобы аккуратно оказаться в поле зрения самого Стоуна, но при этом не спровоцировать стоящего рядом телохранителя.

За стеклом, на высоком постаменте, находился лот 42 — «Пишущий мальчик».

Этот редкий механизм конца восемнадцатого века представлял собой фигуру размером с трехлетнего ребенка, тщательно наряженную в шелковый камзол с кружевным жабо. Тонкая роспись фарфорового лица со слегка приоткрытым ртом и неестественно живыми стеклянными глазами создавала тревожную иллюзию настоящего мальчика, замершего с гусиным пером в руке над чистым листом бумаги.

— Совершенство, не так ли? — произнес Стоун, не поворачивая головы. Он чувствовал присутствие Виктора, но его высокомерие позволяло ему говорить с незнакомцами, не глядя на них.

— Жутковатое совершенство, — ответил Виктор, не отводя взгляда от фарфорового лица. — Пьер Жаке-Дро создал его, чтобы заменить умершего сына. Или это легенда?

Когда Роберт Стоун обернулся, его блеклые, водянистые глаза смотрели с равнодушным, отстраненным холодком человека, не привыкшего обращать внимание на посторонних. Реагируя на это движение нанимателя, стоящий позади телохранитель тут же мягко перенес вес и изменил стойку, грамотно расширяя себе пространство для возможного маневра, но продолжая служить надежным живым щитом.

— Это не легенда, — сказал Стоун. — Это мечта. Мечта о контроле. Посмотрите на него. Он не стареет. Он не предает. Он не просит денег и не требует внимания. Вы заводите пружину, и он делает именно то, для чего создан. Пишет истину.

— «Cogito, ergo sum», — процитировал Виктор. — «Я мыслю, следовательно, я существую». Странная фраза для механизма, который не мыслит.

— А кто сказал, что он не мыслит? — Стоун позволил себе коротко усмехнуться. — Он просто выполняет своё предназначение. Разве большинство людей способны на это? Большинство людей — это сломанные механизмы. Они шумят, сбоят, требуют смазки. А он... он совершенен.

Виктор почувствовал холод. Стоун говорил о кукле с большей теплотой, чем некоторые отцы говорят о своих живых детях. Для него этот механизм был идеальным ребенком — послушным и предсказуемым.

— Вы собираетесь бороться за него завтра? — спросил Виктор, кивнув на витрину.

— Бороться? — Стоун фыркнул. — Я не борюсь за вещи. Я их забираю. У меня уже готово место в кабинете. Специальный климатический шкаф. Он будет стоять там, где я смогу видеть его каждый раз, когда подписываю контракты. Напоминание о том, что образцовый порядок возможен.

Заметив слишком быстрое приближение одного из гостей, курсирующий по залу охранник тут же сделал мягкий шаг наперерез, демонстрируя полную непроницаемость выстроенного вокруг Стоуна барьера.

Виктор окончательно убедился, что любая попытка силового контакта в таких условиях обречена на провал еще на стадии замысла. Стоуна окружала глухая стена из высокооплачиваемых профессионалов, исключая малейшие случайности. Однако полностью герметичных систем не бывает, и своей недавней реакцией Стоун, сам того не ведая, подсказал единственный рабочий способ подобраться к нему вплотную.

— Желаю удачи, мистер Стоун, — сказал Виктор. — Надеюсь, мальчик оправдает ваши ожидания.

— У меня нет ожиданий, — отрезал Стоун, снова поворачиваясь к кукле. — У меня есть план.

Отдаляясь от витрины, Виктор уловил напряженное внимание охранника, не снимавшего контроля с его фигуры вплоть до полного выхода из потенциально опасного радиуса.

В эти несколько секунд разрозненные детали окончательно сложились в надежную, выверенную схему.

Приобретенный на аукционе автоматон неизбежно отправится прямым ходом в защищенный кабинет Стоуна, и вряд ли его служба безопасности рискнет подвергать жесткому досмотру музейный экспонат стоимостью в целое состояние. Механизм бережно запечатает в специальный кофр и перевезут с максимальными предосторожностями.

Больше не имело смысла искать бреши в человеческом щите — оставалось лишь придумать способ подменить антиквариат на этапе доставки или незаметно встроить систему уничтожения внутрь самого автомата.

Выйдя на шумную улицу с её нестройным гулом и суетой, он уже точно знал, как именно использует эту странную слабость коллекционера к механическим игрушкам.

Глава 9. Контактный нейротоксин

Чтобы оказаться по ту сторону закрытых дверей аукционного дома, Виктору не нужно было изучать слепые зоны камер — для этого было достаточно одного телефонного звонка нужному человеку. Виктор знал главного реставратора около десяти лет, поддерживая с ним ту прохладную, сугубо деловую связь, которая возникает после вовремя оказанной услуги. В свое время Артур допустил серьезный промах с оценкой старого фламандского полотна, а Виктор просто не стал озвучивать эту оплошность перед покупателем. Сохранив молодому тогда эксперту карьеру и доброе имя, он обеспечил себе долгосрочную и очень надежную лояльность.

— У тебя не больше пятнадцати минут, — предупредил реставратор, заводя его в стерильную, пахнущую скипидаром реставрационную зону. Страх перед увольнением за допуск постороннего к ценному лоту делал каждое движение эксперта суетливым и неуверенным. — Если руководство узнает, что я подпустил постороннего к лоту перед самой упаковкой, меня выставят за дверь в тот же день.

Виктор неторопливо снял пальто, всем своим видом демонстрируя невозмутимое спокойствие.

— Нам не нужны лишние волнения, Артур, — произнес он, сводя страхи реставратора к простой логике чисел. — Мой клиент в Цюрихе готов платить большие деньги, но ему требуется полная уверенность в подлинности ходового узла. Он требует исключить любые подозрения в позднем вмешательстве в механизм.

Эксперт нервно переступил с ноги на ногу, всё еще с тревогой поглядывая на запертую дверь.

— Это прямое нарушение инструкций. Если кто-то из руководства зайдет проверить лот...

— Никто не зайдет, — так же невозмутимо и уверенно перебил его Виктор. — Мой личный осмотр гарантирует повышение стартовой ставки на полмиллиона. Согласись, такие цифры делают этот короткий риск совершенно оправданным для аукционного дома. И весьма полезным для твоей личной репутации.

Озвученные цифры окончательно перевесили страх. Артур медленно выдохнул, сдаваясь под тяжестью чужой уверенности и перспективы провести самую крупную сделку сезона.

— Камеры пишут каждое движение, — он с тревогой поглядывая на красный индикатор под потолком. — У тебя ровно десять минут. И прошу тебя, только визуальный осмотр. Если охрана на мониторах увидит, что ты касаешься механизма, нас обоих выведут отсюда в наручниках.

— Я ценю твою работу и не стану создавать проблем, Артур, — невозмутимо ответил Виктор, демонстративно закладывая руки за спину.

Реставратор коротко кивнул и, бросив последний тревожный взгляд на лот, поспешно вышел в коридор.

Освещенный ровным светом рабочих ламп, старинный автоматон ожидал упаковки на высоком столе посреди комнаты. Снятый стеклянный купол обнажал неприятную реалистичность старинной вещи: тусклый отблеск гладкого фарфора и стеклянные глаза стирали грань между мертвым механизмом и живым ребенком.

Надевая хлопковые перчатки, Виктор не стал тратить время на проверку медных внутренних устройств. Его интересовала покоящаяся в изящном ложементе изящная хрустальная чернильница. Она была пуста, как того требовали жесткие инструкции по перевозке, и поэтому совершенно бесполезна для его замысла. Зато гусиное перо, крепко зажатое в пальцах механического ребенка, прекрасно подходило для того сценария, который должен был разыгаться в кабинете Стоуна.

Из собранного досье и наблюдений на светских приемах Виктор знал главную уязвимость Стоуна — его неконтролируемую тактильную зависимость. Коллекционер не доверял экранам и сухим отчетам. Поставив подпись под многомиллионными контрактами, он всегда с нажимом проводил подушечкой большого пальца по влажным чернилам, словно клеймил бумагу. Это была темная, собственническая потребность осязать свою власть, закрепить реальность сделки личным касанием.

Именно на эту привычку и был рассчитан весь план.

Виктор достал из кармана небольшой герметичный флакон. Внутри плескались не чернила, а густой, синтезированный на масляной основе контактный нейротоксин глубокого темного оттенка. Он не имел запаха и не испарялся, но при малейшем контакте с кожей впивался в кровь за три секунды.

Игнорируя пустую чернильницу, Виктор обошел стол, грамотно выстраивая угол так, чтобы его широкая спина и плечо надежно перекрыли линию обзора потолочной камеры. Для наблюдателя по ту сторону экрана он просто склонился над экспонатом, рассматривая тонкую роспись фарфорового лица. На деле же его правая рука, скрытая от объектива корпусом тела, уже извлекла из кармана герметичный флакон. Используя миниатюрный шприц с тонкой иглой, спрятанный в ладони, он сделал один выверенный прокол в самом основании гусиного пера, пропитывая его внутреннюю пористую структуру темным токсином. Когда кукла опустит перо в чернильницу, яд неизбежно смешается с обычными чернилами. Ни единого лишнего жеста, способного вызвать подозрение у службы безопасности.

Ловушка была установлена.

Маленький механический убийца, который даже не подозревал о своей новой роли, сидел неподвижно готовый написать вечную фразу Декарта.

«Cogito, ergo sum».

Теперь, когда Стоун установит автоматон в своем кабинете и наполнит чернильницу, этот густой состав смешается с обычными чернилами. Он не высохнет на бумаге сразу, оставляя влажный, притягательный блеск, перед которым Стоун не сможет устоять и неизбежно заставит его проверить качество линии на ощупь.

Один жест. Одно касание. И через минуту сердце Стоуна остановится.

Дверь позади него с тихим щелчком открылась. Артур торопливо вошел в мастерскую, держа в руках два картонных стаканчика с кофе.

— Всё в порядке? — с явной тревогой спросил он, глядя на гостя рядом с ценным лотом.

— Конечно, — Виктор стянул перчатки, убирая их во внутренний карман. — Оригинальная сборка. Жак-Дро действительно опередил свое время.

— Я же говорил, — с облегчением выдохнул реставратор. — Настоящее произведение искусства.

— Да, — согласился Виктор, бросая последний взгляд на куклу. — Искусство.

Оставив Артура готовить лот к упаковке, Виктор вышел на улицу. Под мелким, смывающим уличную пыль дождем он чувствовал глубокое удовлетворение от сделанной работы.

Он шел к машине и думал о том, что убийство — это тоже форма искусства. Обычные наемники оставляли после себя шум, беспорядок и следы борьбы, превращая устранение в грубое ремесло. А то, что сделал он сейчас — это оптимизация. Он убрал лишние звенья. Он убрал борьбу, погоню, выстрелы. Он использовал самую большую слабость жертвы — её любовь к контролю — против неё самой.

Стоун сам оплатит доставку собственной смерти, сам пронесет её сквозь все контуры безопасности и сам активирует механизм.

Это было элегантно. Это было тихо. Это было совершенно.

Виктор сел в машину и посмотрел на свое отражение в зеркале заднего вида. Там был не убийца. Там был художник, который только что закончил, возможно, свою лучшую картину, и теперь оставалось только ждать, когда зритель увидит её и.. перестанет существовать.

Глава 10. Хранитель музея

Замок входной двери был старым, его не меняли с самого переезда — с тех далеких дней, когда покупка этого дома еще казалась началом хорошей, безопасной жизни. Теперь он заедал, если провернуть ключ слишком быстро.

Итан хорошо знал эту особенность и подолгу стоял на лестничной площадке, вслушиваясь в глухую тишину за порогом. Школа с её понятными правилами и спасительными звонками осталась позади, а здесь начиналась настоящая «серая зона».

Мальчик медленно повернул ключ на пол-оборота, добившись лишь слабого металлического щелчка. Затем он мягко нажал на ручку, навалился плечом на неподатливую створку, петли которой давно требовали смазки, и скользнул внутрь.

В прихожей стоял спертый дух немытого пола и перегара, намертво въевшийся в обои и старый ковер. Воспоминания о легком аромате свежего белья, который встречал его здесь год назад, отзывались внутри тупой, ноющей пустотой. Итан осторожно прикрыл за собой дверь, до последнего придерживая язычок замка пальцем, чтобы металл не звякнул о косяк.

Шторы в гостиной были задернуты, создавая полумрак, который скрывал углы, забитые коробками из-под пиццы и старыми газетами. Но Итан знал географию этой комнаты наизусть и мог передвигаться по ней с закрытыми глазами.

Отец спал в кресле, откинув голову назад, его рот был приоткрыт, и оттуда вырывался пьяный, булькающий храп. На полу, у его ног, как кегли после неудачного броска, лежали бутылки. Две пустые, одна — наполовину полная.

Итан смотрел на отца без страха или жалости, воспринимая его состояние как неизбежную данность. Отец сломался год назад, когда мамы не стало. Механизм его жизни заклинило, и он просто остановился, продолжая гудеть и потреблять топливо.

Мальчик стянул с плеч рюкзак, крепко сжимая лямки в ладони, чтобы металлические пряжки не выдали его присутствия. Пробираясь к кухне, он машинально перешагнул третью половицу, поставив ногу на самый край паркетной доски. Ритм тяжелого дыхания отца не прервался.

В кухонной раковине громоздились тарелки с засохшими остатками еды и чашки, уже тронутые плесенью. Итан не стал их мыть. Шум воды мог разбудить отца, а предсказать его реакцию было невозможно.

Приоткрыв дверцу холодильника и щурясь от желтоватого света лампочки, мальчик нашел лишь пакет молока, банку огурцов и подсохший кусок сыра. Отломив ломоть хлеба, он на секунду подумал о горячем бутерброде, но сразу отказался от затеи. Писк микроволновки стал бы непозволительной ошибкой. Он торопливо жевал холодную еду, глядя на соседский двор с брошенным на газоне детским велосипедом, стараясь просто поддержать силы в уставшем теле.

Затем он направился к своей комнате, которая оставалась последним безопасным рубежом. Бесшумно прикрыв за собой дверь и повернув защелку, Итан наконец позволил себе свободно выдохнуть.

Здесь был другой мир. Кровать заправлена так туго, что на покрывале можно было подбрасывать монету. Книги на полке стояли по росту, корешок к корешку. На столе не было ни пылинки. Карандаши в стакане были остро заточены и повернуты грифелями вверх.

Этот порядок не был манией. Это была память о маме. Она всегда говорила, что внешняя чистота помогает сохранить ясность мыслей, и Итан поддерживал это правило ради нее, став преданным хранителем их общего прошлого.

В центре стола, обрамленная в светлое дерево, стояла фотография. Мама жмурилась от солнца и смеялась. Во взгляде, устремленном на сына, таилось столько нежности, что Итану иногда казалось, будто от самого снимка исходит живое тепло.

Он ласково провел кончиками пальцев по стеклу.

— Привет, мам, — одними губами прошептал он.

Он не плакал. Он запретил себе плакать еще год назад, осознав, что любые проявления эмоций лишь провоцируют отца на агрессию. В этом доме выживание зависело от умения растворяться в тишине.

Опустившись на стул, он раскрыл учебник по математике. В мире чисел не таилось неприятных сюрпризов, а законы оставались незыблемыми при любых обстоятельствах. Итан принялся аккуратно выводить условия задачи ровным, округлым почерком, следя за тем, чтобы буквы не выходили за установленные границы.

Внезапно из гостиной донесся приглушенный стук скатившейся на пол пустой бутылки. Храп на мгновение оборвался, отец недовольно промычал что-то во сне, завозился в кресле и вскоре снова затих. Итан напрягся, замерев с занесенной над тетрадью ручкой. Вся его фигура сжалась в ожидании возможной угрозы, пока слух ловил каждый шорох за тонкой стеной, но оттуда слышался только громкий храп.

Итан выдохнул и продолжил писать.

«Дано: Скорость поезда А..»

Склонившись над тетрадью, он походил на маленького стойкого солдата, который тщательно счищает копоть со своего оружия, пока вокруг идет беспощадная война. До тех пор, пока карандаши заточены, а мама продолжает улыбаться с фотографии, он будет держаться.

Глава 11. Живые куклы

По вечерам Виктор предпочитал обходиться без электрического света, довольствуясь неярким свечением мегаполиса. За панорамным окном непрерывно пульсировала ночная жизнь, сплетая красные и белые полосы автомобильных фар в бесконечные потоки. Но здесь, на тридцать четвертом этаже, вся эта суэта превращалась в далекую, беззвучную абстракцию.

В комнате звучал Эрик Сати. Первая Гимнопедия. Медленные, осторожные касания клавиш, между которыми тишины было больше, чем звука. Эта музыка не требовала внимания, она просто существовала рядом, заполняя углы комнаты меланхолией, которая странным образом успокаивала.

Виктор сидел в кресле, вытянув ноги. В правой руке он держал тяжёлый стакан, в котором плескался торфяной виски. Он не пил, а просто грел стекло ладонью, наблюдая, как янтарная жидкость ловит отблески далеких рекламных щитов.

Стоун был завершен.

Это слово — *завершен* — нравилось Виктору своей окончательностью. Не убит, не устранин, а именно завершен, как сложный проект или затянувшаяся партия. Грузовик с «Пишущим мальчиком» уже растворился в лабиринте пригородов. Завтра утром ящик внесут в кабинет. Завтра днем сработает человеческая слабость, та маленькая трещина в броне, которую Виктор нащупал с хирургической точностью.

Всё прошло отлично. Чисто.

Но внутри, вместо обычного удовлетворения, ворочалось глухое раздражение. Как песок в дорогом механизме.

Он поднес сигару к губам, вдыхая горький, пряный дым и задерживая его в легких. Медленно выдохнул. Сизое облако поплыло вверх, лениво меняя форму, распадаясь на волокна.

Слишком много усилий.

Виктор смотрел на дым и видел за ним долгие часы подготовки. Взлом серверов аукционного дома. Унизительная необходимость улыбаться антиквару. Ночная вылазка на склад, где каждый шаг мог стать последним. Химический синтез, требующий лабораторной стерильности.

Это было искусство, да. Но искусство умирающего жанра. Как ручная гравировка по стали, когда весь мир уже давно перешел на лазер. Он создал шедевр, чтобы уничтожить одного человека. Это было расточительно. А расточительность Виктор ненавидел больше, чем ошибки.

Он сделал глоток. Виски обжег горло, оставив на языке вкус йода и старого дерева.

Стоун попался на любви к послушным вещам. Он хотел куклу, которая пишет «Я мыслю», не имея мыслей. Он хотел безопасную и предсказуемую имитацию жизни.

Взгляд Виктора скользнул по комнате, по стене, где в полумраке тускло поблескивала сталь его коллекции клинков, и вернулся к окну.

Там, внизу, в миллионах квартир, спали люди. Спали будущие жертвы. И спали те, кого никто никогда не берет в расчет.

Память сама вернула его к тому вечеру в ресторане, и сквозь обрывки светского смеха и звон бокалов проступили силуэты детей. Он снова увидел их неразличимые лица и застывшие над телефонами позы, наполненные покорным, равнодушным ожиданием, которого никто вокруг не замечает за обсуждением великих дел.

Они были фоном, декорацией. А на декорации никто не смотрит. Официант, проходя мимо с подносом, автоматически огибает ребенка, не фиксируя его в памяти. Охрана на входе в банк улыбается девочке с розовым рюкзаком, даже если рамка металлоискателя пискнет. Это же ребенок. Что у него может быть в рюкзаке, кроме учебников и яблока?

Виктор почувствовал, как мысль, до этого бесформенная, начала обретать плотность.

Мир взрослых создал себе слепую зону. Огромную, размером с целое поколение. Они сами обесценили своих детей, превратив их в невидимки.

«Пишущий мальчик» стоил миллионы. Его сложно было достать. А эти живые куклы были везде. Они уже находились внутри периметра. В спальнях, в школах, на задних сиденьях бронированных лимузинов. Им не нужен пропуск. Им не нужна легенда. Они уже там.

Виктор снова затянулся. Огонек сигары ярко вспыхнул в темноте, осветив его лицо — спокойное, неподвижное, похожее на маску.

Но у живых кукол был изъян. Непредсказуемость. Они были избалованными, шумными, капризными. Жак-Дро потратил годы, чтобы научить механического мальчика писать. Сколько времени нужно, чтобы научить живого мальчика быть тихим?

Следом в мыслях проступил совершенно иной образ: светлая комната, где холодное освещение не оставляло теней, а воздух был наполнен густым ароматом оружейной смазки. Эту глубокую тишину нарушали лишь короткие щелчки выстрелов, характерные для профессиональной спортивной стрельбы, напроць лишенной всякой показной беготни.

Здесь главной задачей было научиться останавливать дыхание в коротких паузах между ударами сердца и полностью освобождать сознание, поскольку малейшее проявление чувств считалось недопустимой ошибкой, а едва заметная дрожь означала немедленный провал.

Родители любят дисциплину. Они любят отдавать детей туда, где из них обещают сделать «людей с характером». Элитный клуб. Закрытая школа. Красивая форма, дорогие винтовки, разговоры о выдержке и концентрации.

Это будет не школа убийц. Нет, это будет слишком грубо. Это будет школа концентрации, школа равновесия.

Он даст им в руки оружие. Легально. Красиво. Он научит их дышать. Он научит их смотреть в прицел и видеть только цель, без жалости и гнева. И среди сотен тех, кто придет просто поиграть в снайперов, он найдет единицы — тех, кто не будет испытывать ни азарта, ни жалости перед выстрелом, кто будет находить в предсказуемой тяжести винтовки надежную опору, которой их лишили люди.

Виктор посмотрел на стакан. Лед давно растаял, но виски оставался холодным.

Ему больше не нужно будет самому лезть в вентиляцию. Ему не нужно будет пачкать пальцы чернилами. У него будут руки. Десятки маленьких, невидимых рук, способных пронести яд, открыть замок, нажать кнопку.

Музыка Сати закончилась. Последняя нота повисла в воздухе и медленно растворилась. Поглотивший комнату покой позволил замыслу окончательно оформиться, превратив мимолетную идею в готовый план.

Он затушил сигару. Медленно, с наслаждением вдавливая тлеющий табак в дно хрустальной пепельницы, пока последний огонёк не погас, оставив после себя лишь тонкую струйку серого дыма.

Глава 12. Равновесие

Поиски идеального места напоминали Виктору настройку сложного оптического прибора: нужно было крутить линзу до тех пор, пока мутное пятно реальности не обретет резкость. Он потратил три недели, объезжая город квартал за кварталом, вычеркивая адрес за адресом из длинного списка риелтора.

Ему предлагали подвалы в новых стеклянных бизнес-центрах, где воздух был мертвым, профильтрованным через километры пластиковых труб, а тишину нарушал монотонный, сводящий с ума гул вентиляции. Ему показывали огромные ангара на окраинах, продуваемые ветрами, где пространство было слишком шумным, слишком открытым для внешнего мира. Всё это было компромиссом, а Виктор не терпел полумер.

Он нашел его случайно, свернув не в тот проулок старой промышленной зоны. Здание стояло в тупике, отгороженное от улицы высокой кирпичной стеной, по верху которой змеилась ржавая колючая проволока. Это было старое здание текстильной фабрики, сложенное из темного, закопченного кирпича еще в начале прошлого века.

Оно дышало мрачной основательностью. Оно было построено в те времена, когда архитекторы не экономили на толщине стен, а окна делали узкими и высокими, похожими на бойницы. Последние десять лет здесь располагался любительский стрелковый клуб, который медленно и мучительно умирал вместе со своим хозяином.

Прежний владелец, невысокий старик с землистым лицом, сразу же согласился на сделку, даже не пытаясь торговаться. В его поникших плечах и дрожащих руках проступала такая усталость, что казалось он мечтает лишь об одном — поскорее избавиться от лишних забот. Он молча протянул Виктору большую связку ключей и исчез в сером утреннем тумане, оставив гулкое пространство, наполненное запахами сгоревшего пороха и оружейной смазки.

Виктор остался один. Он медленно прошел по главному залу. Шаги отдавались под сводчатым потолком долгим, затухающим эхом. Это было именно то, что он искал: пространство, которое умело хранить секреты.

Ремонт начался на следующее утро, но это не было вторжением шумной техники и крикливых прорабов. Бригада, которую вызвал Виктор, работала беззвучно, как хирурги в операционной. Это были люди, привыкшие оборудовать безопасные квартиры и бункеры, — профессионалы, понимающие цену молчанию.

Главный зал — сердце будущего организма — требовал не просто ремонта, а перерождения. Стены начали обшивать панелями из темного, мореного дуба. Дерево было плотным, с глубокой текстурой. Под панели укладывали слои специальной акустической пены высокой плотности. Виктор был одержим звуком. Точнее — его отсутствием.

Он часами стоял в центре зала, слушая, как меняется акустика помещения по мере того, как стены обрастают изоляцией. Эхо исчезало. Звуки города — далекие сирены, шум шин по мокрому асфальту, гудки барж на реке — исчезали слой за слоем, пока внутри не стало совершенно тихо. В этой тишине выстрел будет звучать сухо и коротко, как щелчок кнута, не вызывая звона в ушах.

Освещение проектировали с нуля. Виктор запретил использовать холодные лампы дневного света, которые делают лица плоскими и мертвыми. Свет здесь превращался в надежного союзника, переставая быть просто безликим свойством. По периметру зала пустили теплый, рассеянный свет, создающий атмосферу кабинета, а над огневыми рубежами вмонтировали мощные прожекторы с узким лучом. Они выхватывали мишени из темноты, заставляли глаз фокусироваться только на цели, убирая всё лишнее, всё, что могло отвлечь стрелка от момента выстрела.

Вторая комната, бывшая когда-то конторой склада с облупившейся краской на стенах, медленно превращалась в учебный центр. Но Виктор избегал слова «класс», которое подразумевает школьную рутину, скуку и принуждение. Здесь же всё должно было говорить об исключительности.

В центре комнаты установили огромный овальный стол. Его столешница была вырезана из цельного массива ореха — темная, матовая поверхность, поглощающая свет. Когда рабочие заносили его, казалось, что они несут алтарь. Вокруг стола расставили стулья с высокими спинками, которые заставляли сидеть прямо, держа осанку.

Вдоль стен выросли застекленные шкафы-витрины. Виктор лично расставлял в них экспонаты. Здесь не было места пластиковым муляжам. Только металл. Разрезы затворных групп, показывающие сложную хореографию механики. Латунные гильзы разных калибров, выстроенные в ряд, как солдаты. Схемы баллистики, начерченные тушью на плотной бумаге, выглядели как произведения абстрактного искусства.

Зона отдыха создавалась как антипод тому миру, который остался за толстыми кирпичными стенами. Там, снаружи, правил цифровой беспорядок, мелькание экранов, бесконечный поток информационного шума. Здесь Виктор строил аналоговый ковчег.

Пол устелили толстым ковром, гасящим шаги. Глубокие кожаные кресла цвета горького шоколада располагали к тому, чтобы провалиться в них и замереть. Торшеры с зелеными стеклянными абажурами разливали мягкий, уютный свет, в котором даже пылинки танцевали медленно и торжественно.

Библиотеку Виктор собирал с особой тщательностью. Он заполнил полки книгами, которые требовали времени и вдумчивости. Мемуары великих полководцев, история осад и фортификаций, анатомические атласы с детальными прорисовками мышц и нервов, альбомы по классической архитектуре. Он хотел, чтобы дети брали эти книги в руки, чувствовали фактуру бумаги, запах типографской краски и старого переплета. Чтобы они учились добывать знания, переворачивая страницы, а не проводя пальцем по экрану.

В углу, у книжных шкафов, поставили шахматный стол. Фигуры из самшита и эбенового дерева стояли на доске в начальной позиции, ожидая, когда чья-то рука сделает первый ход. Это была не игра. Это был тренажер для ума, который учит думать на три шага вперед и жертвовать малым ради большего.

Кухня была последним штрихом. Виктор понимал физиологию. Голод — это слабость. Голодный человек уязвим, его мысли спутаны, а концентрация стремится к нулю. Ему не нужны были слабые ученики.

Помещение оборудовали профессиональной техникой, сверкающей холодным хромом. Виктор нанял повара — немолодого, полного грузина по имени Сандро. У Сандро были грустные глаза человека, который многое повидал, и руки художника.

— Никаких дефлопе и молекулярной кухни, Сандро, — говорил Виктор, стоя посреди еще пустой кухни и наблюдая, как повар раскладывает свои ножи на магнитной доске. — Мне нужна основа. Горячий суп, который греет изнутри. Мясо. Свежий хлеб. Еда должна давать силу и чувство дома. Понимаешь?

Сандро молча кивнул, пробуя пальцем лезвие ножа.

— Я кормил людей, когда в городе не было света, — тихо сказал он с сильным акцентом. — Я знаю, что такое еда, которая держит душу в теле. Не волнуйся, генацвале. Здесь будет тепло.

К концу месяца пыль улеглась, строительные леса исчезли. Виктор стоял посреди главного зала в полном одиночестве. Было тихо. Но воздух здесь не казался пустым, как в покинутых домах, он полнился ожиданием взведенного механизма. Запах свежего дерева смешался с тонким, едва уловимым ароматом оружейного масла, создавая тот особый букет, который бывает только в дорогих оружейных комнатах.

Он медленно прошел по своим владениям. Провел ладонью по спинке кожаного кресла в библиотеке. Поправил корешок книги, который выступал на миллиметр из общего ряда. Заглянул в темную кухню, где кастрюли стояли в идеальном порядке, отражая лунный свет из окна.

Все было готово. Сцена построена, декорации расставлены, свет выставлен. Не хватало только актеров.

Виктор вышел на улицу, в прохладу ночи. Город спал, но где-то там, в лабиринтах спальных районов и элитных особняков, спали те, ради кого всё это затевалось. Над массивной стальной дверью тускло поблескивала новая вывеска. Никаких рисунков. Никаких мишеней. Только одно лаконичное слово, вырезанное глубоко в металле:

РАВНОВЕСИЕ

Теперь начиналось самое сложное. Построить стены было легко. Теперь нужно было наполнить их жизнью. Нужно было найти тех, кто нуждается в этом равновесии, даже если они сами об этом еще не знают.

Часть

II

. Калибровка

Глава 13. Санитарная обработка

Едва переступив порог школы, Виктор оказался в эпицентре запаха, который ненавидел больше всего на свете — запаха неконтролируемого беспорядка. Это была густая, тошная смесь из дешевого средства для мытья полов, хлорки, разогретых в микроволновке обедов и подросткового пота, пробивающегося сквозь сладкие дезодоранты.

Виктор шел по коридору во время большой перемены. Поток школьников обтекал его, как речная вода обтекает гранитный валун. Они кричали, толкались, роняли рюкзаки, смеялись невпопад. Для Виктора, привыкшего к тишине и расчету, этот шум отзывался в теле острой болью, как скрип пенопласта по стеклу. Он не морщился, его лицо оставалось непроницаемой маской, но мышцы спины под дорогим пиджаком напряглись.

Секретарь в приемной директора, женщина с высокой прической, залакированной до состояния шлема, попыталась его остановить.

— У миссис Гейбл совещание, у вас назначено?

Виктор остановился у её стола положил ладонь на край столешницы и посмотрел ей в глаза.

— Передайте, что пришел Виктор Уайт. По вопросу благотворительного гранта для школы.

Слово «грант» сработало как пароль. Секретарь моргнула, её пальцы замерли над клавиатурой. Через минуту дверь кабинета открылась.

Миссис Гейбл выглядела как капитан корабля, который медленно тонет, но обязан держать фасон. У неё были умные, уставшие глаза и строгий костюм, который, однако, не мог скрыть напряжения в плечах. На столе высились стопки папок — жалобы, отчеты, бюджеты.

— Мистер Уайт? — она указала на кресло. — У меня всего десять минут. Родительский комитет требует пересмотреть меню в столовой, а попечительский совет урезал финансирование изостудии.

— Я не отниму много времени, — Виктор сел. — Я пришел не просить. Я пришел предложить решение одной вашей проблемы.

— Какой именно? — Гейбл устало вздохнула. — Их у меня сотни.

— Дефицит внимания. Агрессия. Отсутствие стержня.

Виктор достал из внутреннего кармана тонкую брошюру. На обложке не было картинок, только тисненые буквы: «Клуб Равновесие».

— Я открываю частный центр спортивной концентрации. Это не секция стрельбы в общепринятом понимании. Это дисциплина олимпийского уровня. Мы учим не нажимать на спуск. Мы учим дышать. Мы учим останавливать внутренний диалог. Мы учим быть здесь и сейчас.

Миссис Гейбл взяла брошюру, её взгляд стал более заинтересованным.

— Спортивная стрельба? Родители боятся оружия.

— Родители боятся, что их дети слабы, — возразил Виктор. — Оружие в моих стенах — это лишь инструмент, как скрипка или кисть. Но, в отличие от скрипки, оно не прощает фальши. Я предлагаю вам партнерство. Я готов взять на себя часть вашей головной боли — самых сложных детей. Тех, кого вы не можете заставить сидеть смирно. И тех, кого вы вообще не замечаете.

Директор отложила брошюру.

— Это звучит... дорого. Наша школа элитная, но не все родители потянут частный клуб такого уровня.

— Именно поэтому я здесь, — Виктор сделал паузу. — У меня есть квота. Два места. Полный грант. Я готов оплатить обучение, экипировку и питание для двух учеников, у которых есть потенциал, но нет возможностей.

Глаза Гейбл расширились. В мире частного образования меценаты были редкостью, как единороги.

— Кого вы ищете? — спросила она уже другим тоном — деловым и уважительным.

— Мне не нужны хулиганы, которые бьют окна, чтобы привлечь внимание. Мне нужны тихие. Те, кто сидит на задней парте и строит башни из карандашей. Те, кто прячется в капюшон на перемене. Тени.

Миссис Гейбл задумалась, постукивая ручкой по столу.

— Тени... — она нажала кнопку селектора. — Джейн, принесите личные дела из архива 4-го и 5-го классов. Да, те самые.

Через пять минут перед Виктором легли две тонкие папки.

— Итан Коул, — Гейбл постучала пальцем по первой папке. — Математический склад ума, но социальная адаптация на нуле. Учителя жалуются, что он может впасть в истерику, если кто-то сдвинет его учебник на сантиметр. Отец... сложная ситуация в семье. Мать умерла год назад.

Виктор кивнул. Порядок как защита.

— А второй?

— Хлоя Митчелл. — Гейбл смущенно улыбнулась. — Если честно, я иногда забываю, что она вообще учится в нашей школе. Девочка-невидимка. Денег в семье нет, живут на пособие, но она держится за стипендию зубами. Очень закрытая. Никогда не смотрит в глаза.

— Я возьму их, — сказал Виктор, даже не открывая папки. — И еще восьмерых на коммерческой основе, которых вы порекомендуете родителям как «нуждающихся в особой дисциплине».

— У нас есть Лео, — Гейбл скривилась. — Мать одержима его карьерой скрипача, но парень ненавидит музыку. Он на грани нервного срыва. И Джулиан... сын Клэр Ричардс. Там проблемы с агрессией. Мальчик задавлен авторитетом матери и срывается на сверстниках.

— Отлично. Организуйте мне встречу с родителями. Сегодня вечером.

Актный зал школы был заполнен наполовину. Вечерний свет падал сквозь высокие пыльные окна, освещая ряды светлых кресел, в которых сидели люди, привыкшие покупать всё, что блестит.

Виктор стоял на сцене. Он отказался от микрофона. Он отказался от презентации в PowerPoint. За его спиной была только темная стена сцены.

Он молчал целую минуту. Шум в зале стихал медленно, волнами. Кто-то перестал шелестеть бумагами, кто-то прервал телефонный разговор. Тишина расплзалась от первых рядов к галерке, пока не стала абсолютной. Людям стало некомфортно. Они ждали шоу, а получили безмолвие.

— Ваш мир слишком громок, — произнес, наконец, Виктор. Он говорил негромко, но в этой тишине его слова долетели до каждого угла. — Ваши дети не слышат себя. Они слышат только шум: требования учителей, амбиции родителей, крики из интернета.

В третьем ряду сидела Клэр. Рядом с ней, в выглаженном костюме, пристроился Джулиан. Он не смотрел на сцену, он теребил пуговицу на манжете, пытаясь оторвать её.

— Я не предлагаю развлечение, — продолжал Виктор, медленно прохаживаясь по краю сцены. — Я предлагаю тишину. Место, где нет телефонов. Нет оценок. Нет гонки. Есть только мишень, дыхание и удар сердца.

Лео, сидевший рядом с матерью в пятом ряду, поднял голову. Слово «тишина» зацепило его. Тишина означала отсутствие скрипки, отсутствие пилящего звука смычка.

— Мой метод жесткий, — Виктор остановился напротив Клэр. Он смотрел не на неё, а на Джулиана. Мальчик почувствовал этот взгляд и замер. — Я учу контролю. Не тому контролю, когда вы запрещаете ребенку дышать. А тому, когда он сам решает, когда сделать вдох.

По залу прошел шепот. Это была дерзость. Он не продавал услугу, он ставил диагноз.

— Спортивная пулевая стрельба — это шахматы на скорости пули, — закончил Виктор. — Это спорт для тех, кто хочет владеть собой, а не миром. У меня есть всего двенадцать мест. Два из них уже заняты грантами для одаренных детей. Осталось десять.

Он не стал кланяться, просто развернулся и ушел за кулисы, оставив зал в странном оцепенении.

В фойе, где обычно продавали печенье на школьных ярмарках, к Виктору подошла мать Лео. Она выглядела растерянной. Лео висел на её руке, и в его глазах впервые за долгое время горел живой огонь.

— Мам, пожалуйста, — шептал он. — Это олимпийский вид. Это престижно. Это поможет... для портфолио в колледж.

Женщина посмотрела на Виктора.

— Вы гарантируете безопасность? У него музыкальные пальцы.

— Я гарантирую, что его пальцы станут еще более чувствительными, — ответил Виктор.

— Спуск винтовки требует касания легче, чем смычок Страдивари.

Лео сжал руку матери, и та, наконец, сдалась.

— Хорошо. Мы попробуем.

Следом подошла Клэр. Она вела Джулиана за плечо, как ведут заключенного.

— Вы сказали про контроль, — она говорила быстро, нервно. — Джулиан... он сложный. Он не умеет сосредотачиваться. Врачи говорят про таблетки, но я против химии. Вы сможете его... исправить?

Виктор посмотрел на мальчика. В глазах Джулиана была пустота и затаенная злоба.

— Я не чиню людей, мадам. Я даю им цель. Если он научится попадать в десятку, он научится управлять своим гневом.

— Сколько это стоит? — спросила она, уже доставая чековую книжку.

— Дорого. Но умение владеть собой стоит дороже.

Итан и Хлоя не подошли. Их не было в зале. Они получают свои приглашения завтра, в конвертах из плотной кремовой бумаги, которые классный руководитель положит им на парты. Для них это будет похоже на лотерейный билет, выпавший из кармана бога. Шанс попасть в мир, где их странности — любовь к порядку и умение быть невидимыми — станут не проклятием, а даром.

Виктор вышел из школы в вечерний прохладный воздух. В кармане его пиджака лежал список. Группа была набрана. Он сел в машину, окунувшись в аромат кожи и дорогого одеколona, и позвонил Сандро.

— Закупай продукты, — сказал он. — Завтра мы открываем двери. Гости будут голодными.

Глава 14. Статика в шеренге

Дождь, начавшийся еще на рассвете, к вечеру превратился в плотную, ледяную стену, отрезавшую старую промзону от остального города. Небо налилось тяжелым свинцом, и в ранних сумерках кирпичные здания складов казались черными, мокрыми скалами.

К зданию «Равновесия» медленно подъезжали машины, разбрызгивая грязную воду из глубоких луж.

Первым у высоких ворот затормозил массивный черный внедорожник. Двигатель затих не сразу, еще несколько секунд слышалось мерное, сытое урчание турбины. Водитель в строгой форме вышел под ливень, раскрыл огромный зонт-трость и только потом распахнул заднюю дверь.

Из теплого, пахнущего кожей салона на улицу выбрался Джулиан. Он поморщился, когда холодный влажный воздух коснулся его лица. На нем была яркая ветровка, кроссовки, которые стоили больше, чем месячная аренда квартиры в этом районе, и выражение брезгливого недовольства. Он перешагнул через лужу, стараясь не запачкать подошвы, и даже не кивнул водителю.

Следом, шурша шинами по мокрому гравию, подкатил серебристый седан.

Лео вышел сам, не дожидаясь помощи. Он натянул капюшон на глаза, пытаясь спрятаться в нем, как в раковине. Его движения были резкими и нервными. Он ссутулился под тяжестью рюкзака и побежал к входу, вжимая голову в плечи, будто ожидал удара, а не капель дождя.

Софи привезли на машине, похожей на космический корабль — бесшумный и глянцевый. Она вышла с достоинством маленькой королевы, держа спину неестественно прямо. В руках она сжимала маленькую сумочку, прижимая её к груди так, будто там лежало сокровище.

Итан и Хлоя появились из-за пелены дождя пешком, двигаясь по разным сторонам улицы, но в их одинаково ссутуленных, промокших фигурах проступала одна и та же покорность непогоде.

Опустив голову, Итан торопливо пробирался сквозь дождь, пока его старая, явно доставшаяся с чужого плеча куртка окончательно намокала, покрываясь темными пятнами от впитавшейся влаги. Вода хлюпала в ботинках при каждом шаге, но он не сбивался с ритма, считая про себя: раз, два, три, лужа, раз, два...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.